

ВИТОЛЬД НЕДОЗОР

ВИТОЛЬД НЕДОЗОР
ДОЧЬ ВЕЛИКОЙ СТЕПИ

Великий государь Митридат угрюм и одинок — все его союзники или погибли, или перешли на сторону врага, бывшие завоевания утрачены. Однако дух царя не сломлен. Рядом с ним верная Зиндра — гордая скифянка, что однажды спасла ему жизнь, закрыв собой. Но грядет новая война. Римские послы вот-вот придут в боспорскую столицу для заключения мира. И Митридат сзывает верных соратников из Великой Степи, чтобы вместе выступить против Рима. Кем станет для него в этой борьбе скифская воительница? Союзником или врагом? Спасением или гибелью? Что теперь выберет та, которая была готова отдать жизнь за любимого мужчину? Об этом знает лишь Зиндра, Дочь Великой Степи...

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-5746-7

9 786171 257467

ДОЧЬ
ВЕЛИКОЙ СТЕПИ

ДОЧЬ
ВЕЛИКОЙ СТЕПИ

ВИТОЛЬД НЕДОЗОР

ДОЧЬ
ВЕЛИКОЙ СТЕПИ

Роман

ХАРЬКОВ КЛУБ
2019 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.161.1.0
Н42

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Дизайнер обложки *Владимир Стадник*

ISBN 978-617-12-5746-7

- © В. Станкович, Г. Панченко, 2019
- © Depositphotos.com / bereta, RoneDya, pirita, обложка, 2019
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2019
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2019

Она была царицей и рабыней. Одни называли ее последней амазонкой, другие — дочерью богини. Она сражалась в войнах наравне с мужчинами и была посвящена в самые мрачные тайны темных древних культов. Ей восхищались друзья и враги, а мудрецы описывали ее на страницах хроник. История знает ее как Гипсикратию — неукротимую и дикую возлюбленную великого государя Митридата¹.

Но при рождении, на берегах великой реки, ныне именуемой Днепр, ей было дано другое имя...

¹ Митридат VI Евпатор, или Митридат Понтийский, также имевший прозвища Дионис и Великий (132 г. до н. э. — 63 г. до н. э.), — царь Понта. Августин называет Митридата «царем Азии». (*Здесь и далее примеч. ред.*)

Пролог

Над Боспором Киммерийским поднималось солнце, заливавшее улицы Пантикапея¹ розовой кисеей.

В утреннем сиянии, окутавшем город, вились улицы с белеными домами под красной черепицей крыш; вставала из мрака громада дворца на акрополе — обветшалого, но все еще по-варварски пышного... Из того же мрака поднимались, словно рождаясь на свет, и становились видимыми застывшие в грозной неподвижности тяжелые башни цитадели. И синела гладь бухты. Уж она-то точно была сейчас ярче всего вокруг...

А еще с восходом солнца город, кроме цветов, наполнили звуки: лязг отдвигаемых засовов и отпираемых замков, крик водоносов, скрип телег. Следом пришли дневные запахи выдубленных кож, угля и накаливаемого металла из кузниц, тяжелая вонь сукновален и перебивающий все дух соленой рыбы — главной пищи бедняков.

В гавани застыли понтийские биремы со свернутыми парусами — жалкие остатки некогда грозного флота. У пирса нелепо высился флагман — трехпалубная «Амфитрита», — и канаты, заведенные за причальные камни, казались волосяными узами, какими пигмеи связали циклопа. Рядом, как мышата вокруг уснувшего кота,

¹ Пантикапей — древнегреческий город, основанный в конце VII в. до н. э. выходцами из Милета на месте современной Керчи.

сгрудились мелкие кораблики: хеландии из Диоскурии¹ и Ольвии², камары гениохов³, привезших на продажу шкуры и меотийский сыр...

А чуть поодаль внушительно, *по-хозяйски* расположилась пара судов, уступавших размерами только «Амфитрите»: римские онерарии прибыли за пшеницей. Понтийское зерно сильно упало в цене, ибо покупателей нет, вот и пожаловали волки на добычу.

Покамест оно бессмысленно гниет в амбарах или идет на праздничные раздачи беднякам, что для казны еще бессмысленнее; но грядет царский указ — и сразу после него станет понтийский хлеб для римлян золотом...

Агора, главная площадь, была шумна и бурлива, как в прежние, много лучшие времена. Торговцы разложили товар на столах или прямо на камнях, подстелив ветхое рядно, но охотников продать было куда больше, чем купить.

Гончары, в чьи руки и фартуки въелась красная глина, отдавали товар почти задаром. Грустили и писцы — тощие и бледные, как мыши, что в библиотеках грызут с голoduхи папирусы: мало кто сейчас пишет прошения, а уж желающих заказать свиток с поэмами Гомера или озорными стихами Анакреонта и вовсе почти нет.

Шатались взад-вперед безработные моряки в истрепанных синих хитонах. Немало было и калек: у кого нет

¹ Диоскурия — старейшая древнегреческая колония на Черноморском побережье Кавказа. Известна с VI в. до н. э.

² Ольвия — античная греческая колония, основанная выходцами из Милета в первой четверти VI в. до н. э. на правом берегу Днепробугского лимана к югу от современного Николаева и современного села Парутино Очаковского района Николаевской области, Украина.

³ Гениохи — древний народ, населявший северо-восточный берег Понта (область в Малой Азии).

ноги, у кого — руки... а вот этому повезло, он лишился только трех пальцев, но меч ему больше не держать, ложку тоже.

Война... Проигранная война.

Только одна примета любого эллинского города оставалась неизменной: великое множество бездельников-философов, ищущих, кто бы угостил их разбавленным вином и кефалью в обмен на умную беседу. Сейчас главной темой таких бесед были предсказания. Из уст в уста передавалось, что шаманы тавров сулили великие бедствия и «падение большой головы». Но другие вспоминали, что огромная багряная комета, взошедшая на небесах в день рождения базилевса Митридата-Диониса, предвещала ему, согласно мнению всех звездочетов, семидесятилетнее царствование, великие войны, а под конец — его власть над четвертью Ойкумены. Так что царь будет править и воевать еще десять лет.

Внимание публики вдруг ненадолго отвлеклось: агору пересекали всадники.

Первой ехала женщина, нестарая еще и красивая, не смотря на тяжелые складки у рта. Женщин верхами Пантикапей видел, хотя и нечасто, но эта была не из степнячек, что иногда пригоняли стада в город.

Стан всадницы покрывала шитая золотом мужская одежда: персидский кафтан, не скрывавший высокой груди, шаровары, сапоги синей кожи и высокая шапка. При седле болтался сверкающий сталью топор с хищно выгнутым лезвием. Конь под ней был не парфянский нисеец и не громадный пафлагонский жеребец, а мохнатый коротконогий приземистый гагр. Правильный выбор для понимающего человека: в городе этот некрупный поворотливый конек — то, что нужно.

Позади предводительницы ехали двое: седая, но еще крепкая одноглазая сарматка в римской чешуйчатой лорике¹ и юный лучник.

Первую женщину провожали взглядом, узнавая. Кто-то визгливо бросил в спину: «Царева подстилка!» Но ни она, ни спутники даже не обернулись.

Остановившись у добротной приземистой лавки менялы, женщина ловко спрыгнула наземь. По правде говоря, царской жене не полагалось находиться наедине с торговцем или купцом, да и вообще разгуливать по городу без положенной свиты. Но сейчас даже сам грозный царь не мог бы попенять ей, ибо в полутьме лавки навстречу женщине поднялся тот, кого мужчиной в Пантикапее не называли. Это был евнух, причем такой, словно бы только что сошел с театральных подмостков, где «маска евнуха» вот уже которое поколение веселит зрителей: низенький, жирный, с засаленными волосами и сонным взглядом, но при этом румяный, как спелое яблоко.

— Какая честь! Что угодно достойнейшей госпоже Гипсикратии? — согнулся он чуть ли не в пол.

(«Ну кто же не знает меня в этом городишке, дряхлом, как хлев самого Аида?» — мысленно улыбнулась гостя.)

— Зачем вообще ходят к меняле? — На сей раз она сопроводила улыбку словами. — Хочу получить немного денег под залог. Дочь моя скоро выходит замуж, а приданое царской дочери должно быть достойно отцовского имени.

— Ох, госпожа! Ты просишь у нищего! — Толстячок расплылся в приторной вежливости. — Сейчас многие просят в долг: несут родовые украшения, пишут закладные на земли и усадьбы... Многие хотят взять в долг, но

¹ Лорика — доспех, покрывающий торс воина.

мало у кого есть деньги... А вот если ты желаешь что-то купить к бракосочетанию, я охотно помогу. Как раз вчера вдова лохага¹ Эпаменида принесла чудесные золотые серьги индийской работы. Ее предок взял их в самом Персеполесе, и теперь несчастная продает его наследство, чтобы прокормить детей. Но я не смог дать больше пяти мин². Хотя столь высокой госпоже отдам всего лишь за четыре, если...

— На этот счет не беспокойся, у меня хороший залог. — Гипсикратия, снова улыбнувшись, протянула ему перстень, вытщенный из кошель.

Скопец поднес его к глазам — и из румяного вдруг стал белым. Оглянулся зачем-то сперва на дверь, затем на короткий меч на поясе гостя.

— Не шуми и не вздумай обделаться! — прошипела она. — Я на вашей стороне.

— А... а... — Собеседник царицы хватал ртом воздух, не в силах договорить.

— Поликрат решил все рассказать царю, — не разжимая зубов, процедила Гипсикратия, — но хотел сделать это сам, без посредников, чтобы получить как можно больше. Подумал, что я помогу ему добраться до Митридата и стать царским спасителем. Благодарю Апатуру и своего Зевса, что так вышло!

— Поликрат... — просипел ее собеседник. — Поликрат...

— Я позаботилась о нем: он ничего никому не расскажет, — сухо продолжила женщина.

— Госпожа... — Евнух явно не знал, что сказать. — Достойнейшая...

¹ Лохаг — командир одного из подразделений спартанской, афинской и македонской фаланг.

² Мина — денежно-счетная единица Древней Греции.

— У вас самое большое две луны, потом здесь будут аорсы¹ и еще десяток орд головорезов. Так что чем быстрее вы будете готовы, тем лучше. А я открою ворота. И не спрашивай как — это мое дело. Твое дело — устроить так, чтоб твой хозяин занял трон.

— Да! Да! — бормотал скопец, мелко трясясь от пережитого только что ужаса. — О мудрейшая! Фарнак не забудет тебя! Он вознаградит тебя как никто! Фарнак не забудет тебя, госпожа!

(«Лучше бы как раз забыл!»)

— Как все будет готово, пришлешь человека со словом, — бросила женщина, поворачиваясь ко входу. — Я скажу, когда и где вам ждать. Знаком послужит этот перстень.

— Госпожа, — тихо прозвучало за спиной, когда она уже стояла на пороге. — Почему?..

— Какая разница? — Женщина зло передернула плечами, и евнух понял: зачем она будет что-то объяснять ему, получеловеку, не способному любить? — Я помогу моему господину, а остальное неважно. Еще одно! — Гипсикратия развернулась на месте. — Все-таки дай мне денег. Если тебя спросят, скажешь, что царица приходила получить в долг, а спросят меня — покажу золото. Потом отдам.

— Да... да, конечно... — В крепкую ладонь воительницы лег увесистый мешочек. — Двести золотых статеров. Я приготовил их для Зенона, но я найду... не изволь беспокоиться, великолепная!

Не слушая уже его, базилисса понтийская вышла за порог и молча вскочила в седло.

¹ Аорсы — название одного из кочевых восточных сарматских племен, занимавшего территории от Южного Урала до Нижнего Поволжья и Азовского моря.

Говорит Гипсикратия

В своей жизни я творила немало того, что люди называют злом. Я убивала: и в битвах, и из-за угла, и на потеху толпе. Я воровала и грабила. Я лгала, распутничала и изменяла мужьям, в верности которым клялась перед алтарями. В одном я не грешна: я никогда не предавала доверившегося мне. Теперь мне предстоит это сделать. И я предам тебя, мой муж, мой возлюбленный, мой царь, мой благодетель. Я совершу это — и да смилостивится надо мной Великая Мать!

Часть первая

Дочь волна

Глава I

Солнце совсем опустилось за горизонт, восток озарился мертвенным серебристым сиянием, и из-за рощицы в небо полезла, гася вокруг себя звезды, почти полная луна.

Взошла над степью. Огромная, свинцово-серебристая. Луна лета, катящегося на вторую половину. Не узкий ущербный серпик и не медно-кровавая: недоброе знамение грядущих несчастий. Хорошая чистая луна, словно лик Апи¹, смотрящий на своих детей.

Зиндра вздрогнула: показалось или где-то далеко у виднокрая провыл волк? Оно, конечно, могло и почудиться, да летние волки обычно сыты и на столь опасную добычу, как человек, вряд ли нападут. Их забота — таскать сайгаков из диких стад и овец у зазевавшихся пастухов... Но все же...

Зиндра передернула плечами: не ей, носящей тамгу² волчьего рода, бояться предка. Впрочем, в ночной степи могут бродить не одни лишь волки.

Девушка пододвинула к себе пастуший ярлыг — длинную палку крепкого, надежного ясеня с выточенным из изгиба ветви наверху клювом. Таким, особенно если он закален на огне, как следует врезать — и можно пробить череп что у четвероногого хищника, что у двуногого.

¹ Апи — скифская богиня земли.

² Тамга — родовой фамильный знак, печать.

Клюв ее ярыга был закален на совесть...

Луна проливали свет на серые пятна лишайника, испещрившие поверхность ноздреватых валунов, на пахнущую пылью выветренную землю, еще не остывшую от дневных лучей... Отсюда была видна ширь Дан-Абры, зеркально блестящая под лунным светом. Катилась вода река из самого центра мира, из-под застывшей в вечной ледяной неподвижности диких черных лесов со страшными неврами¹, превращающимися в волков, и бастарнами², жестокими и вероломными, как их предки-рабы...

Отсюда, с высоты Старой Могилы, девушке не был виден ее родной йер: три дюжины неровных мазанок-полуземлянок, вытянувшихся вдоль речного берега. Но до него неблизко. А если матушка проснется да увидит, что нет в жилище непоседливой дочери?

— Матушка Хоа за такое шкуру спустит, — тихо промолвила Зиндра, сама себе отвечая. И помотала головой, отгоняя неприятные воспоминания о том, как та, застав падчерицу и племянницу обнимающейся с Яром, сыном соседа, отстегала ее хворостиной чуть не до крови...

Хоа, рано постаревшую и злую на жизнь, можно было понять. С тех пор как два лета тому взорвавшийся кузнечный горн убил отца Зиндры с помощником, из дома ушли радость и достаток...

¹ Невры — древний народ, обитавший в верховьях Тираса (Днестр) и Гипаниса (Южный Буг). В давние времена выходцев из этого племени считали людьми-оборотнями.

² Бастарны — древний народ, обитавший с конца III в. до н. э. по III в. к северу от нижнего Дуная в восточном Прикарпатье (Румыния, Молдавия и Украина).

Надо было делать то, зачем пришла, и возвращаться, чтоб перехватить перед рассветом хоть немножко сна.

Старая Могила была местом не очень добрым и уж точно не простым. Крутые глинистые склоны в редких глубоких промоинах, плоская вершина — ни дать ни взять старый кряжистый пень, грузно выпирающий из земли. Курган этот был выше прочих. Старики из Конской Гривы, ее родного селения, говорили иногда, что насыпан он не их предками и даже вообще не сколотами¹, а киммерийцами² или вовсе неведомыми народами, что жили до них. Была ли то могила царя вождя или великого жреца — неведомо...

Живи тут поблизости йованы — народ, сам себя называющий эллинами, — определенно раскопали бы древний курган ради золота и самоцветов, не боясь духов возмездия и посмертного проклятия. Но у народа Зиндры было не в обычае обирать погребенных.

А на вершине, полускрытое в сумраке, возвышалось изваяние...

Большая, в пять или шесть локтей, каменная баба: грубо отесанная глыба редкого тут серо-розового гранита с маленькими, сложенными внизу выступающего тяжелого живота руками, еле намеченными массивными грудями и тяжелыми бедрами. Она торчала на голой вершине кургана, и с изрытого временем лика смотрели впадины глаз — прямо и глухо. И чем дальше случайный путник вглядывался в них, тем отчетливее казалось ему, что глаза эти жили. А еще казалось — камень ждет чего-то или

¹ Сколоты — собственное имя скифов.

² Киммерийцы (киммеры) — кочевые индоевропейские племена.

кого-то. Может, тех, кто вкопал его сюда, в этот холм, для поклонения неведомым богам или еще какой надобности.

В Конской Гриве и других окрестных йерах изваяние почему-то прозвали Ведьмой.

Положив к подножию Ведьмы приношение — отгрызок лепешки и красную терракотовую бусинку, — девушка села перед статуей. Вытащила из мешочка собственноручно выточенную из бараньей лопатки гадальную костяшку: одна сторона белая, другая — зачерненная, — и, запинаясь, начала повторять слова древнего заговора, какому научила ее под страшным секретом Гела, дочка знахарки Вейи.

— О Мать-Луна! О Отец-Небо! — нараспев произнесла она. — Я — дочь дочери вашей, Апи. Я — вопрошающая... Дайте же ответ мне, смертной с вашей кровью в жилах...

Теперь следовало выждать дюжину ударов сердца.

— Вот вам первый мой вопрос, владыки судьбы: стану ли я женой Яра, сородича моего?

Зиндра зажмурилась, сжав костяшку. Потом уронила ее на землю. Всмотрелась, какой цвет оказался сверху... И не сдержала огорченного, даже испуганного возгласа.

Костяшка выпала черной стороной. Значит, не быть ей женой парня, которого видит во сне... Да, куда как плохо...

Но костяшка упала набок. Стало быть, ответ сомнительный. Надо еще раз бросить.

Но теперь не будем спрашивать в лоб, зайдем с другой стороны.

— Обрету ли я мужа, о Высокие?

И снова бросила костяшку.

Выпала белая сторона. Зиндра почесала подбородок.

Глупый же вопрос, если подумать. Редко, очень редко какая из степнячек не найдет себе мужа. Хоть вдовца, хоть

бедняка, хоть второй-третьей женой, но пустым ее ложе не останется...

Однако продолжим.

— Живет ли мой суженый в моем йере?

Черная костяшка поведала, что избранника ей в родном селении не найти.

— Живет ли мой суженый в роду Варка?

Оракул и на этот раз не колебался: нет.

— Будет ли он пастухом?

Снова нет. Хм... Ну, не больно и хотелось.

— Воином?

Опять черная!

Выходит, не быть ей женой дружинника, степного *багатура*, как мечтает втайне половина, а то и больше девушек из ее народа.

— Купцом?

Купец, как и воин, редко бывает дома. Но зато купчихе не надо думать о том, чтобы, согнувшись, жать родовую полоску ячменя или с утра до вечера вертеть жернова ручной меленки...

Да что же это — опять черная!

В голову приходили мысли насчет кузнеца или рыбака, но тут словно само сорвалось с уст:

— Будет ли он царем?

Ляпнув это, она сама себе удивилась: ну кто тянул за язык? Ну ты и спросила, дева! Но костяшка уже вылетела на освещенный луной травянистый склон...

И Зиндра оцепенела, утратила дар речи. Костяшка подтвердила, что мужем ей боги назначили царя.

Она даже подняла глаза к начавшей заходить за Ведьму лунной тарелке, пытаясь понять, не пошутила ли Апи над глупой смертной. Конечно, по материнской линии она — правнучка знаменитой воительницы Амаги. Но земли, где

было ее маленькое царство, давно под гелонами, а род растворился среди пришлых и беглецов. Аспаруг и то знатнее: его род восходит к Иданфирсу, победителю персидского государя Дарьявуса.

Зиндра нашарила на земле колючку, вонзила ее в палец и, капнув кровью на землю, вознесла мольбу о помощи Великой Матери. Покачала головой, затем, не удержавшись, фыркнула насмешливо: видать, плохое гадание, а может, время неподходящее или место. Либо даже проще: дух того, кто был погребен в Старой Могиле, раз за разом сбивает костяшку, недовольный тем, что над его упокоищем пытаются творить волшебство.

Решено — она завтра же поговорит с мачехой, чтобы посватала ее за Яра. Отца у нее нет, но и Яров родитель сгинул три года назад в северном походе. Мачехе нечего будет возразить, а женихов в Гриве не так много... да и семья его если богаче их, то лишь самую малость... Или, может, не говорить ничего приемной матушке, а на уже не таких далеких Дожинках самой надеть Яру венок на голову?

...На исходе лета поле дожинают все, кто может держать серп и вязать свясла. Последний сноп украшают цветами. После из колосьев сплетают венки. И если какой-то из парней нравится девушке, она может снять венок с себя и надеть на него...

Остальные же будут прыгать вокруг и петь, требуя с парня жениховского выкупа. А потом ждет ужин: кулеш с салом, пиво и густая каша, — чтобы посева были густые. Выпив же, запевают веселую припевку:

Ойе-ойе!
Мать Табити славим!

Ойе-ойе!
 Кормилицу нашу!
 Ойе-ойе!
 Ниву молотить!
 Ойе-ойе!
 Девкам — бабами быть!
 Ойе-ойе!

Сладкое чувство толкнуло ее в сердце, напомнив о том, что было два месяца назад...

* * *

Из камышовых зарослей ей было видно, как по берегу ползали крохотные фигурки. Одни женщины проверяли и вновь ставили плетенные из гибких прутьев верши, другие забредали по грудь в воду с конопляными сетями, выволакивали на отмель живое трепещущее серебро, носили корзинами к жилью. Там рыбу попроще развешивали на веревках для просушки, а лучшую укладывали в корчаги или выдолбленные кадки, бережливо посыпали привезенной из Таврии солью. Почти одни женщины...

Мужчин в селении тогда не было, кроме стариков и совсем молоденьких парнишек, — они, как всегда летом, ушли в степь: охранять и пасти стада, а больше — спать, напившись кумыса у бивачных костров. Бывало, что и воевали: то ли из-за стад и выпасов, то ли оттого, что один ксай поссорился с другим. Они появлялись в селении ненадолго — на два-три самых лютых зимних месяца, чтобы обогреться у дымных очагов, опять-таки спать, напившись кумыса, сожрать большую часть запасов, да еще брюхатить женщин. А с первым весенним теплом опять *на конь*, прихватив с собой большую часть оставшихся припасов.

Зиндра передернула плечами. Она понимала, что несправедлива: все-таки тяжела жизнь пастуха, да и воинская тоже. А без плодов пастушьего промысла в йере не выжить, они совокупно весят куда больше, чем все виды «речного сбора» и даже наземной жатвы вместе с ним. Но ей сейчас хотелось видеть все так. Тем более что так действительно можно было увидеть...

Иногда мужчины пригоняли чужих коней с чужими таврами и отары овец, порой даже и рабов. Случалось, что приезжали злыми и без ничего, потеряв свои стада и со свежими шрамами, а то и с кем-то из сородичей, положенным поперек седла. Тогда на его могиле убивали коня и напивались вина и кумыса... Золото, самоцветы и серебро, если и отбивали у врагов, они почти никогда не привозили. Прятали их где-то в ухоронках «на черный день» или, может, тратили в греческих поселениях на вино и доступных прелестниц.

Старухи иногда в сердцах говорили, что толку от таких мужчин и вовсе нету. Вспоминали Лунных Дев давних времен...

Зиндра усмехнулась. Старухи всегда вспоминают давние времена, незапамятные даже для них самих, и рассказывают о прошлом с такой уверенностью, что просто диву даешься. А труд воина... чего уж там, он не легче пастушеского. Без него соседи проделают с йером ровно то же, что женщины проделывают с рыбой. А если девы-воительницы и вправду примут на себя эту тяжесть... то, во-первых, вряд ли это получится у них лучше, чем у мужчин, а во-вторых, совсем не оставит сил для других трудов. Даже для главного труда — становиться женщинами, давать новую жизнь...

Сейчас Зиндра занималась делом не таким и тяжелым: ставила в прибрежных камышах плетеные ловушки для

раков. Работа, как ворчала мачеха, детская, но от вареных раков не отказывалась.

В каждую вершу — кусок подпортившейся (раки любят приманку с душком) раковой же шейки или половинку снулой рыбешки, а также камень, чтоб течением не унесло. Главное — запомнить место... Лучше всего, как говорят все те же старухи, раки ловятся на мясо, но кто в Конской Гриве, скажите на милость, позволит даже кусочку мяса протухнуть? Может, при Лунных Девах и иначе было, но сейчас даже кости из похлебки вываривают по третьему, а то и пятому разу!

Увлеченная этими мыслями, она с запозданием обнаружила, что кто-то стоит за спиной. Обернувшись, увидела шагах в пяти от себя Яра, сына их соседки Вейги, старшей над засольщицами и болтливой как сорока. Та не отпустила его в степь, хотя возраст уже подошел. Лунные Девы — Лунными Девами, но в таких случаях вообще-то все решает мужское слово... вот только отец парня этого слова произнести не мог, он давно уже сложил голову на очередной войне. Что ж, Зиндре на такое решение Вейги сетовать не приходилось: Яр в последнее время старался при каждом удобном случае заговорить с ней, взять за руку...

Само собой, Зиндра давно знала, что к чему между мужчинами и женщинами — у иных ее сверстниц уже дети в колыбельках пищали. Однако пока не думала о женихах всерьез. Но вот Яр — иное дело...

Ой, он что, и вправду сейчас совсем рядом?!

Зиндра помнила, конечно, что в воду она зашла нагая, одежда ее осталась сложенной на берегу, но ведь во время «речного сбора» женской наготы не существует: и воля богов на то, и вековечный обычай повелевает парням ее не замечать... Ведь так?

А потом руки Яра с силой обвили ее крест-накрест, соединив ладони, — и Зиндра усомнилась в том, что правильно понимает обычаи.

Яр отпустил ее почти сразу, но потом они долгие мгновения смотрели друг на друга, и она вдруг поняла, что он сейчас чувствует... Видела себя в его глазах: гибкую, ловкую, грациозную, с задорно разлетевшимися золотистыми волосами... Видела его — ошеломленного упругим прикосновением ее маленьких твердых грудей и запахом ее тела...

У парня задрожали руки, на лбу выступила внезапная испарина. Он вдруг густо покраснел, и Зиндра запоздало почувствовала, что тоже краснеет. А еще странное томление внизу живота — легкое и сладкое, как бывало только во снах...

Ну и что же ей сейчас делать? То ли вцепиться ногтями в лицо наглеца, то ли снова придвинуться вплотную, обнять его — и будь что будет?

— Ты красивая, Искорка... — пробормотал он. И тут же торопливо добавил: — Оденься, а то увидят еще — плохое подумают.

Она послушно выбралась на берег, напялила рубаху, отошла и села на кочку возле корявой ивы. На душе было тепло — сосед назвал ее Искоркой, как в детстве называл отец, ведь «зиндра» — это и есть искра. Не всякая, а только та, что вылетает из-под молота, долго горящая и яркая...

А потом Яр вдруг опять оказался рядом, и его руки снова легли ей на плечи.

— Зиндра! Зиндра, горе мое! — визгливым голосом позвала мачеха. — Где ты шляешься? Рыбу таскать кто будет? Таргитай-предок?!

Девушка торопливо вскочила, кинулась к оставленным на берегу штанам и опоркам... Поздно!

— Ах ты ж, дрянь рыжая! — внезапно появившаяся на берегу Хоа была настроена более чем решительно. — Растелешилась уже! Так и норовит на мужской отросток раньше времени заскочить! А ну, пошел! — Теперь она уже наседала на совсем растерявшегося Яра. — Похоть свою тешить явился? Вот скажу родительнице твоей, пусть тебе завяжет двойным узлом то место, каким думаешь!

В руках женщины вдруг появилась невесть где сломанная хворостина.

— Матушка, не на... — только и успела пискнуть Зиндра, а в следующий миг завизжала уже от боли.

Хоа хлестко стегнула ее, не промахнувшись, хотя Яр попытался закрыть девушку собой.

— Вот тебе! Вот тебе! Вот тебе!

Мачеха, по всему видно, в этот миг тоже не очень верила в нерушимость правил, установленных богами и предками. Спасибо хоть до Конской Гривы не погнала, но все те дни, пока они были в рыбацком стане, от себя не отпускала, посылала на самую тяжкую работу и всякий раз, видя Яра, грозил кулаком. И трудно сказать, то ли впрямь волновалась за приемную дочь, то ли срывала зло за незадавшееся житье...

Мачеха приходилась сестрой родной матери Зиндры. Когда та умерла, снова желая подарить мужу сына, отец взял в дом ее овдовевшую сестру. А потом погиб под рухнувшими турлучными стенами кузни, когда в очередной раз пытался сковать истинную сталь «вутц». «Вутц» умел делать его учитель, коваль Архиз, знаменитый на всю Степь от Таны до Гелона.

Зиндра невольно всхлипнула.

Отец мечтал о том, чтоб в дом пришли слава и достаток, а там, глядишь, перебрались бы в селение какого-нибудь

кся, потому как везде рады доброму оружейнику. А то и в большой город, такой как Гелон. Да хоть и к йованам: те за хорошие мечи серебром по весу платят. Но в своих попытках нашел лишь смерть.

Еще он мечтал о сыне. Но три братика Зиндры умерли совсем маленькими, а потом мама родила мертвого мальчика и ушла за ним в страну теней... Мачеха же так и не забеременела в новой семье, хотя уже имела двух дочек.

А еще вместе с отцом погиб его помощник, русоволодый и улыбчивый молотобоец Келегаст, которого прочили в мужья Зиндре. И если б не то несчастье, она была бы уже мужней женой и, наверное, носила бы во чреве его ребенка. Но, может быть, с Яром ей повезет наконец?

Только тут Зиндра почувствовала, насколько устала: весь день как-никак рыбу вялила, да еще и гадание словно выпило остаток сил... А, ладно, уж будь что будет!

Устроившись поудобнее, она натянула ветхий войлочный кафтан на голову и свернулась калачиком. Собиралась лишь передохнуть самую малость, но незаметно для себя задремала, а дрема вскоре сменилась сном...

Сон этот был глубок, как бывает глубок сон молодого здорового тела. Потому она не услышала далекого конского топота и криков, остервенелого лая собак, не увидела, как над холмами взметнулось бледное зарево пожара, окрасив кровью воды Дан-Абры...

* * *

Наутро Зиндра обнаружила, что проспала все на свете, и, стало быть, никак не миновать ей по меньшей мере крутого разговора с мачехой, а то и жаркой порки. Рука у Хоа была не очень тяжелой, но зато если уж разоидется, то и не знаешь, куда прятаться. Сразу после гадания Зиндра намеревалась бежать домой со всех ног, но теперь торо-

питься смысла больше не было. Она неспешно собралась и, сполоснув лицо у крошечного родничка, направилась к Конской Гриве.

Вообще-то, Зиндра давно понимала, что вот уже пару лет как превосходит Хоа силой, но отказать мачехе в покорности ей и в голову не приходило. Как можно, пусть она и приемная, но ведь родительница же! Да и родных своих дочерей, Онгу и Рису, она всюю стережет...

Солнце поднялось уже высоко, туман в ложбинках рассеялся, и густо пропитавшаяся росой трава мочила ветхие постолы. И вся пробуждающаяся степь звенела пересвистом и щебетаньем птиц, жужжанием и стрекотом насекомой мелочи, шелестом листьев и трав. Острые запахи шалфея, донника, полыни наполняли воздух густым медовым духом, так что голова иной раз кружилась, точно и вправду от чаши хмельного меда.

Зиндра и не заметила, как дошла. Встревожилась она уже возле самой деревни.

Все почти так же, как прежде... Вот взгорок, на котором они с Яром играли малышами, вот высохшие кусты... Но откуда этот запах горелого дерева и... и еще чего-то, загадочного, хотя неведомого прежде? Случился пожар? Или еще что иное, много худшее?!

Вот с этого холмика уже должно быть видно село. Уже распахнулся горизонт, открывая широкую пойму, заросшую камышом и ивами, излучину широкой реки, плавно текущей к югу...

Но Конской Гривы не было.

Вдоль берега реки, словно гнилые зубы старого черепа, высунувшегося из осевшего могильника, скалился ряд закопченных очагов. А где же деревня — землянки, вытасненные на берег лодки, телеги? Где, наконец, люди ее йера?

Оцепенев, девушка подошла к тому, что было ее родным поселением. Впилась ногтями в ладонь, чтобы хоть что-то — пусть даже боль! — оставалось прежним в этом невероятно изменившемся мире.

Жилища тихо проседали, дыша уже прогоревшими кострищами. Чернели ребра высоких плетней.

И стойкий, не сдуваемый никакими ветрами запах горелой плоти коснулся ее ноздрей.

Промелькнула мысль, что человек не мог этого сделать. Наверняка это сотворили темные демоны, слуги Вийу, а может, а может быть, и сам Качей, Жнец душ. Зиндре почудилось, что сюда уже мчатся в вихрях земного праха демоны тьмы, раскрывая ледяные жестокие очи... Ужас, лютей ужас!

Но Зиндра не побежала, а медленно побрела вдоль того, что совсем недавно было домами. В ее душе уже не оставалось места для ужаса.

Вот жилище старого Аспаруга. Не жилище — руины его, по-прежнему самые обширные в йере...

«Как же! — отпускал язвительные замечания старейшина, когда кто-то сомневался в его словах. — Ты из меня дурака-то не делай. Ты по сказам, быличкам да по басням бродяг всяких судишь. А я до Ра ходил, я в Небесные горы ходил и по Янтарной дороге аж до истоков Дан-Абры. Думаешь, из ума выжил?»

Теперь он лежит где-то там, под руинами, и от него веет мертвым молчанием.

Вот жилище знахарки Зрины, матери Гелы. Теперь на месте полуземлянки — рыхлый холмик, из которого торчат лозины каркаса да еще сверху валяется отрубленная девичья ладонь, сжатая словно бы в смертной муке. Или и вправду в ней?

Вот груды головешек и обугленных бревен на месте жилища старой Вейги. И Зиндра сперва не поняла, что это

за странный черно-белый камень венчает развалины...
А потом в ужасе закричала.

То был обгоревший человеческий череп, оскаливший широкую пасть с молодыми зубами — крепкими, белыми.
Яр... Суженый...

Сердце вдруг остановилось, замерев на несколько мгновений, показавшихся невозможно долгими. Девушка закричала — по-звериному дико и протяжно. Как будто с ней закричали все их с Яром не рожденные дети...

Сколько прошло времени, она не помнила толком. В себя пришла, обнаружив, что стоит, запрокинув голову, точно хочет высмотреть где-то в небесах лик милосердной Апи. Веки Зиндры при этом были плотно смежены: богиню можно видеть и так. Но когда она снова распахнула глаза, то сразу уперлась взглядом в три головы на шестах, воткнутых посреди селения. Та, что слева, принадлежала старому Кубраду, рыбаку и жрецу Дан-Абры, справа — знахарке Зрине, а та, что в середине, — Аспаругу.

Шесты с насаженными головами, подобно великанским иглам, прошивали жесткую сухую шкуру земли, знаменуя конец ее йера и всей ее прежней жизни. Конец мира, в котором она жила...

Но где же уцелевшие односельчане? Не могли ведь всех убить? А даже если б и убили, должны ведь остаться тела погибших?

Или их угнали в полон? Тогда есть надежда...

У Зиндры хватило дыхания одним махом взбежать на отлогий песчаный взгорок берега — и вот тут она рухнула на колени.

Уничтожив деревню, враги не похоронили никого. Сами или руками немногих пленников, они просто стащили трупы к берегу и спустили в Дан-Абру, в добычу сомам, ракам и водяницам.

Почти всех уже унесло течением. Только вдали плыли несколько тел, на которых, поклевывая, уселись по-хозяйски чайки да, застряв на отмели, колыхалось тело Мирты, троюродной тетки отца, все еще прижимавшей к груди годовалого сына Росмика... На русой головке малыша кроваво сочилась рубленая рана.

Тут глаза Зиндре милосердно застлала серая пелена. Но даже сквозь мглистый сумрак она будто воочию увидела, что тут творилось совсем недавно. Как метались в ужасе люди, ничего не понимая, падая под акинаками¹ и ударами пик. Как с хохотом гнались всадники за бегущими, кого ловя, кого рассекая на скаку мечами.

Вопли ужаса, яростная брань врагов, собачий лай и конское ржание. Ликующе орали находники, бросая лошадей прямо на мечущуюся толпу. Всадники, размахивая плетками и мечами, сшибали стариков и женщин, топтали собак, арканили петлями девок, валили в траву, насиловали скопом...

А потом, связав сыромятными ремнями уцелевших, погнали их с собой, чтобы продать на торжище.

— Всех сгубили, всех! — шептала она.

Что ж это за род такой? Что за люди в нем? Безжалостные, кровожадные звери, а не люди. Чудища, отверженные богами. Проклятые на веки вечные...

Шатаясь, она добрела до своего бывшего жилища. Полужемлянка не была сожжена, но входной проем зиял выбитой дверью. Беспомощно поблескивали скованные еще отцом петли: никого они не спасли.

— Матушка? Матушка Хоа?! — зачем-то окликнула Зиндра. — Онга, Риса?

¹ Акинак — короткий (40—60 см) железный меч, применявшийся скифами во второй половине I тыс. до н. э.

Постояла, прислушиваясь к тишине, и вошла под оскверненный кров.

В жилище было темно. Очаг давно потух, выгорев дотла, и разжечь его было нечем — огниво и трут или затерялись где-то в раскиданном хламе, или стали добычей чужинцев.

Все сколько-нибудь ценное грабители, конечно же, выгребли. Пол был усыпан черепками глиняной посуды, среди них лежала домовая статуэтка Табити — тоже разбитая, без рук, с отколотой головой.

С колотящимся сердцем Зиндра уселась прямо на землю, вздрагивая от каждого шороха. Затем встала и побрела куда-то.

Она сейчас не просто чувствовала, а точно знала, что уже мертва. Почти так же надежно, как если б ее убили в селе вместе с прочими. Даже нет: молодых девок и баб часто угоняли на продажу, а сейчас...

Впереди не было ничего. Разве только лютая смерть в пустой степи: от голода, от волков, да от чего угодно.

Просто от усталости, когда бредешь куда глаза глядят, а потом падаешь. Или от рук первых же встречных находников, потому что Зиндра твердо знала: не сдастся она, не позволит насиловать себя, связывать и вести на рабский рынок, как козу бессловесную...

«Я умру... — подумала о себе, как о ком-то другом. — И череп с оскаленными зубами — мой череп — тоже насадят на палку. Или кто-то отпихнет его с дороги постолом... никчемные остатки чужой жизни».

Но если душа ее и была уже наполовину мертва, то вся память тела оставалась живой, даже обострилась. Поэтому девушка успела рухнуть в высокую траву раньше, чем показались *они*.

Выехавшие неспешно направили коней к берегу. Впереди едущий, муж громадного роста, двигался важно,

голову держал высоко и что-то весело втолковывал второму, бородачу на таком же добром коне. Третий всадник, видом поплоше, молча трусил сзади.

Зиндра смотрела, как они медленно едут мимо почерневшего сарая с рухнувшей крышей в сторону реки. Вот они остановились, и... Зиндра еле сдержала крик. Она узнала высокого.

— Сайтаферн... — неслышно пробормотали ее губы.

Несмотря на расстояние, она хорошо разглядела его. На нем был бронзовый чешуйчатый панцирь-хотыхтай, ремни перевязи были украшены золотыми пряжками и бляхами. Края короткого темно-синего плаща, крашеного вайдой¹, были скреплены приметной золотой фибулой².

И ее она тоже узнала.

Зиндра вжалась в песок, спрятала лицо, молясь всем богам, чтобы не заметили.

— А тот сколот отчаянный был, даром что старый, а на тебя с лесиной выскочил... — цедил бородач.

— Верно, — с неудовольствием признал Сайтаферн. — То-то была бы досадная погибель для такого, как я! Хорошо, что Казаз успел дерзкой скотине голову раскрыть.

— А вообще зря мы вернулись, вряд ли кто выжил. А коль и выжил, так пусть живым уходит — его счастье. Всем расскажет, каково дань вовремя не платить да своих защитников обманывать...

— Ты прав, пожалуй! — согласился Сайтаферн, на сей раз уже спокойно. — Да только вряд ли расскажет. Кому? Какой окрестный род сейчас беглых приютит? Дань

¹ Вайда — растение, листья которого издавна использовали для окраски ткани в синий и зеленый цвета.

² Фибула — металлическая застежка для одежды, одновременно служащая украшением.

Содержание

Пролог.....	6
Часть первая. Дочь волка	13
Часть вторая. Иные рубежи	125
Часть третья. Жена и мать	177
Часть четвертая. Рабыня	247

Літературно-художнє видання

НЕДОЗОР Вітольд
Дочка Великого Степу
(російською мовою)
Роман

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *Т. О. Небесна*
Редактор *С. М. Губська*
Художній редактор *А. О. Попова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *А. В. Альошичева*

Підписано до друку 04.01.2019. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Literaturna». Ум. друк. арк. 16,8. Наклад 4500 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а
E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано у державному видавництві «Преса України»
03047, м. Київ, просп. Перемоги, 50
Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи
до Державного реєстру ДК №310 від 11.01.2001 р.

Литературно-художественное издание

НЕДОЗОР Витольд
Дочь Великой Степи
Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Т. А. Небесная*
Редактор *С. М. Губская*
Художественный редактор *А. О. Попова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *А. В. Алешичева*

Подписано в печать 04.01.2019. Формат 84х108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Literaturna». Усл. печ. л. 16,8. Тираж 4500 экз. Зак. №

ООО «Книжный клуб «Клуб семейного досуга»»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а
E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано в государственном издательстве «Пресса Украины»
03047, г. Киев, пр. Победы, 50
Свидетельство о внесении субъекта издательского дела
в Государственный реестр ДК №310 от 11.01.2001 г.

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093)170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Великий государ Мітрідат похмурий і самотній — усі його союзники або розбиті, або перейшли на бік ворога, колишні завоювання втрачені. Однак дух царя не зломлений. Поряд із ним вірна Зіндра — горда скіф'янка, що якось урятувала йому життя, затуливши собою. А попереду нова війна. Римські послы ось-ось прибудуть до боспорської столиці для укладення миру. І Мітрідат скликає вірних соратників з Великого Степу, щоб разом виступити проти Риму. Ким стане для нього у цій боротьбі скіфська воїтелька? Союзником чи ворогом? Порятунком чи загибеллю? Що вибере та, яка була готова віддати життя за коханого чоловіка? Про це знає лише Зіндра, Донька Великого Степу...

Недозор В.

Н42 Дочь Великой Степи / Витольд Недозор. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2019. — 320 с.

ISBN 978-617-12-5746-7

Великий государь Митридат угрюм и одинок — все его союзники или погиб-ли, или перешли на сторону врага, бывшие завоевания утрачены. Однако дух царя не сломлен. Рядом с ним верная Зиндра — гордая скифянка, что однажды спасла его жизнь, закрыв собой. Но грядет новая война. Римские послы вот-вот прибудут в боспорскую столицу для заключения мира. И Митридат сзывает верных соратников из Великой Степи, чтобы вместе выступить против Рима. Кем станет для него в этой борьбе скифская воительница? Союзником или врагом? Спасением или гибелью? Что теперь выберет та, которая была готова отдать жизнь за любимого мужчину? Об этом знает лишь Зиндра, Дочь Великой Степи...

УДК 821.161.1.0